

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

Р. МЕРТОН

НЕПРЕДНАМЕРЕННЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ПРЕДНАМЕРЕННОГО СОЦИАЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ

В статье показаны методологические трудности, возникающие в социально-научном исследовании непреднамеренных последствий преднамеренных действий. Рассмотрены факторы, вызывающие отклонения от рациональности социального действия.

Ключевые слова: преднамеренные социальные действия, непреднамеренные последствия, каузальность, рациональность, факторы неадекватности знания.

I

В той или иной форме к проблеме непреднамеренных последствий преднамеренных [purposive] действий обращался, наверное, всякий, кто внес сколько-нибудь существенный вклад в долгую историю социальной мысли¹. Однако за разнообразием контекстов² и многочисленностью терминов³, в которых эта проблема рассматривалась,

Пер. с англ. В. Кузьминова, научные редакторы А.Г. Здравомыслов, О.А. Оберемко; перевод сделан по изданию: *Merton R.K. The unanticipated consequences of purposive social action // American Sociological Review. 1936. Vol. 1. No. 6. P. 894-904.*

¹ Среди теоретиков Нового времени, внесших неравноценный вклад, упомянем Н. Макиавелли, Дж. Вико, А. Смита (и некоторых последующих представителей классической школы политэкономии), К. Маркса, Ф. Энгельса, В. Вундта, В. Парето, М. Вебера, Г. Уоллеса, Ч. Кули, П. Сорокина, К. Джини, Ф. Чэпина, А. фон Шелтинга.

² Эту проблему рассматривали в связи с такими разнородными предметами, как проблема зла (теодицея), моральная ответственность, свобода воли, предопределение, деизм, телеология, фатализм, логичное и нелогичное поведение, социальное предсказание, планирование и контроль, социальные циклы, принципы удовольствия и реальности, историческая «случайность».

³ Вот некоторые понятия, в которых трактовалась проблема в целом либо ее отдельные аспекты: Провидение (имманентное или трансцендентное),

бывает трудно угадать определенную преемственность в ее исследовании. Действительно, диапазон контекстов — от теологии до технологии — был столь широк, что не только помешал разглядеть принципиальное единство этой проблемы, но и до сих пор не позволил произвести ее систематический, научный анализ. То, что данная проблема не стала предметом тщательного и глубокого изучения, отчасти объясняется, вероятно, ее исторической связью с соображениями о трансцендентальном и этическом. Очевидно, что поспешное приписывание непредусмотренных последствий действия непостижимой воле Божьей, Провидению или Судьбе устраняет в сознании верующего всякую необходимость научного анализа. Как бы то ни было, факт остается фактом: несмотря на широкое признание проблемы и понимание ее важности, она все еще ожидает систематического изучения.

Несмотря на то, что выражение «непреднамеренные последствия преднамеренных действий» в известном смысле само себя объясняет, научная постановка проблемы требует его дальнейшей конкретизации. Поэтому большая часть статьи посвящена рассмотрению, главным образом, изолированных преднамеренных актов, а не их интеграции в связную систему действий (хотя последней будет уделено некоторое внимание). Это ограничение продиктовано стремлением избежать углубления в сложные вопросы, неизбежного при рассмотрении систем действия. Кроме того, непредвиденные последствия не следует отождествлять с последствиями, по определению нежелательными (с точки зрения субъекта действия). Ибо, несмотря на непреднамеренность, последствия в тот момент, когда они случаются, не всегда оцениваются отрицательно. Короче говоря, последствия, которых не желали, не всегда нежелательны. В то же время преднамеренные и ожидаемые результаты преднамеренного действия по своей природе всегда в некоторой степени желательны для субъекта действия, даже если внешний наблюдатель оценивает их негативно. Это верно даже в предельном случае, когда намеренный результат является «меньшим из зол», а также в случаях самоубийства, аскетического смирения или самоистязания, которые в определенных ситуациях могут казаться желательными по сравнению с другими

Мойра, Paradoxie der Folgen [парадоксальность последствий], Schicksal [рок, судьба], социальные силы, гетерогония целей, имманентная причинность, диалектическое движение, принцип эмерджентности и творческий синтез. Автор надеется посвятить целую монографию истории и анализу проблемы. Ее масштабность и глубина вынуждают меня опускать в этой небольшой статье некоторые важные моменты. Ввиду недостатка места я также вынужден исключить большую часть конкретного материала, на котором основана дискуссия.

возможными вариантами. Строго говоря, последствия преднамеренного действия сводятся к тем элементам итоговой ситуации, которые являются следствием исключительно данного действия, то есть к тому, чего не случилось бы, если бы данное действие не было совершено. Более конкретно, последствия — это результат взаимного влияния действия и объективной ситуации, то есть условий, в которых совершается действие [4, р. 201–202]⁴. Нас, прежде всего, будут интересовать общие итоги действия при определенных условиях. Это, в свою очередь, ставит проблему вменения причины [causal imputation] (о ней скажем позднее), которая, впрочем, по своей важности уступает проблеме последствий в строгом смысле слова. Эти итоговые, или конкретные последствия можно разделить на (а) последствия для субъекта(ов) действия, (б) последствия, которые опосредованно повлияют на других через (1) социальную структуру, (2) культуру и (3) цивилизацию⁵.

Рассматривая преднамеренное действие, мы имеем дело не просто с поведением [behavior], а с осмысленным поведением [conduct], то есть с действием, включающим мотивы и, следовательно, выбор между альтернативами [4, р. 52]. Здесь мы будем принимать цели как данность, так что любые теории, которые «редуцируют» цель к условным рефлексам или тропизмам или утверждают, что мотивы просто состоят из получивших в опыте оформление инстинктивных побуждений, можно считать нерелевантными. Всевозможные психологические соображения об источнике и происхождении мотивов, несомненно, важные для более полного понимания механизмов, участвующих в возникновении неожиданных последствий намеренных действий, мы тем самым проигнорируем.

Тем более, что пока не доказано, что социальное действие всегда имеет четко очерченную, явно выраженную цель. Может статься, что четкое осознание цели является необычным и чаще цель действия представляется смутно и туманно. Именно так обстоит дело с привычным действием, которое, хотя первоначально и мотивировалось осознанной целью, выполняется без полного осознания. Значение таких привычных действий мы обсудим ниже.

Прежде всего, не следует полагать, что преднамеренное действие подразумевает «рациональность» (что люди всегда используют объективно наиболее подходящие средства для достижения своих целей) [11, S. 3ff.⁶]. Фактически часть настоящего анализа посвящена определению тех факторов, которые вызывают конкретные отклонения от

⁴ Диссертация профессора Найта — самое тщательное исследование определенных фаз преднамеренного действия, которое мне приходилось видеть.

⁵ О различиях между обществом, культурой и цивилизацией см. [5; 10].

⁶ Вебер М. Основные социологические понятия // Вебер М. Избранное. М.: Прогресс, 1990. С. 603. — *Прим. ред.*

рациональности действия. Кроме того, рациональность и иррациональность не следует отождествлять соответственно с успешным и неуспешным действиями. Ибо в ситуации, когда число ведущих к определенной цели действий строго ограничено, тот, кто на основе имеющейся у него информации рационально выбирает средства, с наибольшей вероятностью способные привести его к достижению цели, все равно может потерпеть неудачу [1, p. 60ff.; 3, chap. XXVI]. И напротив, достигнуть цели может тот, кто, с учетом доступного ему знания, совершает иррациональное (как в случае с «предчувствием») действие.

Возвращаясь к действию, разделим его на два типа: неорганизованное и формально организованное. Первый тип соотносится с действиями разрозненных индивидов; эти действия могут перерасти во второй тип, когда сходным образом думающие индивиды образуют ассоциацию для достижения какой-то общей цели. Конечно, непредвиденные последствия случаются у действий обоих типов, однако представляется, что второй тип открывает больше возможностей для социологического анализа, так как сам процесс формальной организации обычно связан с экспликацией цели и процедуры ее достижения.

Переходя к анализу проблемы, уместно указать на две методологические трудности, которые встречаются при всяком социологическом изучении преднамеренного действия. Первая трудность касается вменения причины, установления, в какой степени оправдано связывать «последствия» с определенными действиями. Например, в какой степени экономический рост в определенной стране обусловлен мерами правительства? В какой степени распространение организованной преступности можно объяснять введением сухого закона? Эту извечную трудность вменения причины мы должны преодолевать при изучении любого эмпирического объекта.

Вторая трудность связана с установлением действительных целей данного действия. Например, нелегко отличить истину от рационализации в тех случаях, когда явно непреднамеренные результаты [*ex post facto*] выдаются за преднамеренные⁷. Рационализации подобного

⁷ Это вводит проблему «случайности» (*chance*), которую мы рассмотрим в другом контексте. Следует осознавать, что цель действия и то, что получается в итоге, могут совпадать, однако возникшее положение дел не обязательно является последствием этого действия. Более того, чем длиннее временной интервал между действием и рассматриваемым положением дел, тем больше вероятность (если неочевидно противоположное) того, что оно возникло «случайно». Наконец, при очень большом интервале вероятность того, что желаемое положение дел может сложиться лишь при удачном стечении обстоятельств, достигает степени уверенности.

рода случаются в социальном планировании национального масштаба точно так же, как в классическом примере с наездником, который, вылетев из седла, заявляет, что «просто спешился». Эта трудность, не устранимая полностью, существенно уменьшается в случаях организованного группового действия, поскольку для его организации обычно требуется экспликация (пусть не всегда «истинных») целей и процедуры их достижения. Однако эту трудность легко и преувеличить, поскольку во многих, если не в большинстве, случаев собственный опыт и знания о ситуации позволяют наблюдателю прийти к готовому решению. Но окончательной проверкой будет вопрос: *есть ли смысл* в сопоставлении наблюдаемого действия с нашим общим знанием о субъекте (субъектах) действия, об особенностях ситуации и о логически выведенной или открыто заявленной цели; есть ли между ними то, что М. Вебер называл «*verständliche Sinnzusammenhang*»⁸? Если эти элементы подобной проверке подвергает аналитик, отдающий отчет [в собственных действиях], то весьма вероятно, что его вывод относительно цели [действия] в большинстве случаев не будет далек от истины. Доступная очевидность [элементов ситуации] будет в разных случаях различной, и точно так же будет различаться вероятность ошибки при вменении цели.

Здесь мы должны откровенно признать, что все эти проблемы дальше обсуждать не будем, однако, несмотря на это, указанные методологические трудности мы постоянно будем иметь в виду.

Наконец, можно утверждать, что источник частого непонимания сразу можно устранить, если осознать, что факторы, сопровождающие непредвиденные последствия, суть именно факторы, и ни один из них сам по себе не объясняет ни один конкретный случай.

II

Самое очевидное ограничение для правильного предвидения последствий действия накладывает состояние знаний. Степень этого ограничения можно лучше всего оценить, представив простейший случай, когда отсутствие адекватных знаний является единственным барьером на пути верного предвидения⁹. Очевидно, что можно найти

Это рассуждение, пожалуй, применимо и к деятельности правительства по «восстановлению благосостояния», см.: [6, II, pag. 1977].

⁸ Понятная смысловая взаимосвязь (*нем.*) — *Прим. перев.*

⁹ В большинстве предыдущих дискуссий по проблеме непредвиденных последствий объяснение ограничивалось этим фактором незнания. При таком подходе либо дело сводится к чистой тавтологии, либо роль одного единичного фактора преувеличивается. В первом случае приводилась аргументация следующего рода: «Если бы мы знали достаточно, мы могли бы предупредить последствия, которые оказались непредвиденными». Очевидная ошибочность этого аргумента *post mortem* заключается в слове

огромное число конкретных причин неадекватности знания, однако важнейшие из них можно сгруппировать в несколько классов.

Первый класс причин происходит из характера знания, которое обычно, или даже исключительно, можно получить в науках о человеческом поведении. Собственно говоря, социальный ученый почти постоянно имеет дело со стохастическими (вероятностными), а не с функциональными, как в большинстве областей физических наук, связями¹⁰. То есть при изучении человеческого поведения обнаруживается, что каждому значению одной переменной соответствуют не одно, а несколько значений другой переменной, или, говоря менее формальным языком, любой повторяющийся акт имеет не какое-то одно постоянное последствие, а целый диапазон последствий, каждое из которых может оказаться результатом любого повторения акта. В некоторых случаях мы обладаем достаточным знанием об определенном количестве возможных последствий и даже адекватным знанием для оценки статистической (эмпирической) вероятности некоторых последствий, но при этом мы не можем точно предсказывать результат в каждом отдельном случае. Классифицируя акты и ситуации, мы используем категории, которые никогда не бывают абсолютно и даже приблизительно однородными настолько, чтобы можно было предсказывать конкретные события¹¹. И здесь мы впадаем в противоречие, когда, руководствуясь лишь прошлым опытом¹², ожидаем, что некоторые

«достаточно», которое подразумевает «достаточно знать, чтобы предвидеть» последствия нашего действия. Не трудно далее прийти к утверждению, которое на деле будет звучать так: «Если бы мы раньше знали, то мы бы знали». Этот подход лежит в основе нескольких школ наставительной теории, например, школы О. Конта с ее максимой «знать, чтобы предвидеть, предвидеть, чтобы мочь». Это интеллектуальное кредо завоевало доверие отчасти благодаря своему безусловному оптимизму, отчасти — благодаря тому бесспорному факту, что иногда явное невежество приводит к непредвиденному действию.

¹⁰ Термин «стохастический» ввел А.А. Чупров [8, S. 20ff.]. Разумеется, мы получаем стохастическую связь оттого, что не уверены, что контролируем, или уверены, что не контролируем другие переменные, которые влияют на конечный результат. Таким образом, стохастичность связей не является внутренне присущей социальному знанию, а проистекает из пока не достаточного экспериментального контроля.

¹¹ Если бы классификацию можно было бы делать с помощью абсолютно однородных категорий, то, конечно, это привело бы к [установлению] функциональных связей и, в свою очередь, позволило бы успешно давать точные предсказания. Однако те аспекты социального действия, которые имеют практическое значение, столь разнообразны и многочисленны, что делают подобную классификацию невозможной.

¹² Априорное исчисление вероятности явно не подходит конкретным социальным актам.

акты прошлого, настоящего и будущего имеют достаточно сходства для отнесения в одну категорию, тогда как в действительности они различаются. Поскольку эти различия влияют на результат действия, но их влияние соответствующим образом не учитывается, постольку действительные результаты отличаются от ожидаемых. Как выразился Пуанкаре, «мельчайшие различия в исходных условиях вызывают огромные различия в конечных явлениях <...>. Предсказание становится невозможным, и мы имеем дело со случайным явлением» [7, р. 2].

Как бы то ни было, предвидеть отклонения от привычных последствий конкретного акта может тот, кто видит отличия настоящей ситуации от предыдущих похожих ситуаций. Но до тех пор, пока сами отличия не будут соотнесены с общими правилами, направление и величину отклонений нельзя предвидеть¹³. Ясно, что неполнота знания, с которой обычно осуществляется действие, допускает вариации неожиданных результатов поведения.

Хотя никакой формулы для определения точного объема знаний, необходимого для предвидения, не выявлено, в общем можно сказать, что последствия случайны, когда даже для весьма приблизительного предсказания требуется точное знание множества деталей и фактов (а не общих принципов). Другими словами, *случайные последствия* — это те, которые определяются игрой столь сложных и многочисленных сил и обстоятельств, что их предсказание выходит за пределы наших возможностей. Эту область последствий следует отличать от последствий *незнания*, так как она соотносится не только с уже имеющимся знанием, но и с тем знанием, которое, видимо, можно добыть¹⁴.

Значимость незнания как фактора повышается в силу того, что неотложные потребности практической жизни часто побуждают нас действовать с известной долей уверенности даже при очевидной недостаточности информации, на основе которой мы осуществляем наши действия. Обычно мы поступаем, как верно подметил Ф. Найт,

¹³ Осознание субъектом действия своего незнания и его возможных последствий, пожалуй, наиболее остро проявляется в типе поведения, который У. Томас и Ф. Знанецкий связывают с желанием «нового опыта». Это именно тот случай, когда непредвиденные последствия действительно конституируют цель действия, однако здесь всегда молчаливо полагается, что эти следствия будут желанны. Смутная цель этого класса действий — чувство удовлетворения.

¹⁴ Это различие соответствует различию Кейнса между «субъективной случайностью» (в широком смысле — неведением) и «объективной случайностью» (когда даже дополнительное знание об общих принципах не хватило бы, чтобы предвидеть последствия конкретного акта) [3, р. 295]. Весьма сходное различие встречается в работах А. Пуанкаре и Д. Венна, а также у других авторов.

руководствуясь не научным знанием, а мнениями и оценками. Поэтому ситуации, требующие (или, что для нашего исследования равнозначно, представляющиеся таковыми субъекту действия) немедленного действия, будут включать незнание некоторых аспектов и приносить неожиданные результаты.

Более того, даже когда нет необходимости совершать действие немедленно, остается экономическая проблема распределения наших базовых ресурсов — времени и сил. Времени и сил не хватает всегда, и экономическое поведение связано с их рациональным распределением между альтернативными потребностями, из которых удовлетворение только одной ожидается в качестве последствия действия [4, р. 348]¹⁵. При настоящем экономическом порядке поведение будет явно неэкономичным, если в погоне за знанием мы настолько будем стараться предсказать результаты действия, что у нас не останется ни времени, ни сил для достижения других целей. Экономика социальных инженеров в смысле рациональности или практичности ничем не отличается от экономики прачек. Радикальные антиинтеллектуалисты ошибаются, когда провозглашают действие превыше всего и даже договариваются до того, что на приобретение знания не следует тратить ни время, ни силы. Конечно, в их позиции есть доля правды, и она заключается, как уже отмечалось, в том, что помимо экономических соображений о предпочтительности бездействия до тех пор, пока всякая неопределенность (по крайней мере, насколько это возможно) не будет устранена, есть и психологические ограничения, ибо такая чрезмерная «предусмотрительность» вообще исключает какое-либо действие.

Ошибка — другой важный фактор неожиданных последствий поведения, распространенный, пожалуй, не меньше, чем незнание. Ошибка может возникнуть практически на любой стадии преднамеренного действия: мы можем ошибиться в оценке текущей ситуации, в выводах из нее относительно объективной ситуации в будущем, в своем выборе направления действия и, наконец, при осуществлении избранного действия. Часто ошибочным бывает слишком скоропалительное допущение, что действия, которые в прошлом приводили к желаемому результату, приведут к нему и в будущем. Это допущение

¹⁵ Данная аргументация применима также к случаям, в которых определенный род профессиональных занятий (например, социальных инженеров и ученых) связан исключительно с познанием того, как рационально распределить ресурсы общества. Здесь еще возникает практическая проблема, как донести подобное знание, поскольку его структура может быть весьма сложной, и усилия, которые людям, не являющимся социальными инженерами, нужно будет приложить для освоения этого знания, снова приведут нас к проблеме, как распределить наши ресурсы.

нередко лежит в основе механизма привычки и находит в ней прагматическое оправдание, так как привычное действие в самом деле часто, даже как правило, сопровождается успехом. Но как раз потому, что привычка — это тот образ действия, который ранее приводил к достижению определенных целей, в результате постоянного повторения действие становится автоматическим и непреднамеренным, так что действующее лицо не осознает, что процедуры, приводящие к успеху при определенных условиях, годятся не для всех обстоятельств¹⁶. Точно так же жесткость социальной организации часто препятствует удовлетворению новых потребностей, а негибкость индивидуального поведения может мешать удовлетворению старых потребностей в изменившейся социальной обстановке.

Ошибка может присутствовать и в тех случаях, когда субъект действия сосредоточивает внимание лишь на одном или нескольких аспектах ситуации, влияющих на результат действия. Эта ошибка может проявляться в широком диапазоне от простой невнимательности (несистематического и поверхностного изучения ситуации) до патологически-маниакального нежелания или неспособности осмыслить слагаемые проблемы. Последний тип всесторонне рассматривался в литературе по психиатрии. При исполнении желаний эмоциональные переживания приводят к искажению объективной ситуации и вероятного хода будущих событий; действие, основанное на «воображаемых» условиях, должно неминуемо вызвать неожиданные последствия.

Третий типичный фактор, «императивность ближайшего интереса» [*imperious immediacy of interest*], проявляется в случаях, когда сосредоточенность субъекта на предвосхищении самых непосредственных результатов исключает охват отсроченных или просто других последствий того же самого действия. Диапазон непосредственного интереса весьма широк: от физиологических нужд до базовых культурных ценностей. Образная гипотеза Дж. Вико «о происхождении семьи», выведенная из практики мужчин увлекать своих подруг в пещеры, чтобы скрыть от глаз Бога удовлетворение своих сексуальных потребностей, служит несколько фантастической иллюстрацией первого случая. Примером того, как экономический интерес приводит к тем же самым результатам, служит доктрина классической политэкономии, согласно которой каждый индивид, стремясь применить свой капитал с наибольшей выгодой для себя и способствуя тем самым

¹⁶ Подобные ошибки разные авторы называли по-разному: философским заблуждением (Дж. Дьюи), принципом границ (*principle of limits*) (П. Сорокин, П. Бриджмен) и, с несколько другим значением, — «заблуждением неуместной конкретности» (*the fallacy of misplaced concreteness*) (А. Уайтхед).

максимизации дохода всего общества, по словам А. Смита, «невидимой рукой направляется к цели, которая совсем и не входила в его намерения»¹⁷.

Так или иначе, после пронизательного анализа Макса Вебера не подлежит сомнению, что действие, мотивированное интересом, не составляет антитезу доскональному изучению условий и средств успешного действия. Напротив, может статься, что подлежащий удовлетворению интерес требует такого же объективного анализа ситуации и инструментария, какой по определению свойственен *hominis oeconomici*¹⁸. Но нельзя отрицать и того, что повышенный интерес на деле часто исключает такой анализ именно потому, что неотложное стремление удовлетворить непосредственный интерес является психологическим генератором эмоциональной пристрастности, искажающей либо делающей невозможным надлежащий расчет. Утверждать, что мотивированное интересом действие необходимо приводит к рациональному просчитыванию элементов ситуации¹⁹, — такая же ошибка, как отрицать, полностью или частично, влияние рациональности на подобное поведение. Кроме того, действие, в котором присутствует элемент неотложного интереса, может быть рациональным с позиций ценностей, базовых по отношению к такому интересу, но иррациональным с позиций жизненной организации индивида. Такое действие рационально в том смысле, что оно ожидаемо может привести к достижению конкретной цели, и иррационально в том смысле, что затрудняет преследование или достижение иных ценностей, которые в данный момент не актуализированы, но которые, тем не менее, составляют неотъемлемую часть шкалы ценностей индивида. Таким образом, именно потому, что конкретное действие не совершается в психологическом или социальном вакууме, его результаты отразятся на других областях ценностей и интересов. Например, практика контроля рождаемости «по экономическим соображениям» влияет на возрастной состав и размер кровно-родственных групп, что сопровождается глубокими последствиями психологического и социального характера.

Фактор базовых ценностей имеет поверхностное сходство с фактором императивности ближайшего интереса, но отличается от него

¹⁷ Перевод по: Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Соцэкгиз, 1962. С. 332. — Прим. ред.

¹⁸ Человеку экономическому (лат.). — Прим. ред.

¹⁹ Это допущение можно принять лишь в нормативном смысле. Бесспорно, что такое просчитывание, в определенных нами выше границах, должно осуществляться там, где признается, что вероятность удовлетворения интереса должна стремиться к максимуму. Ошибка возникает при смешении нормы с действительностью.

на теоретическом уровне. В таких случаях о последствиях не раздумывают, потому что необходимость совершить определенное действие диктуется определенными фундаментальными ценностями. Классический анализ влияния этого фактора содержится в веберовском исследовании протестантской этики и духа капитализма. Вебер правомерно сделал обобщение из этого случая, показав, что деятельный аскетизм парадоксальным образом вырождается через накопление собственности и богатства вследствие ограниченного потребления и интенсивной производственной активности.

Этот процесс существенным образом влияет на динамику социальных и культурных изменений, что с разной степенью детализации и убедительности признавалось Гегелем, Марксом, Вундтом и многими другими. Эмпирическое наблюдение неоспоримо: деятельность, ориентированная на определенные ценности, запускает процессы, в результате которых меняется шкала ценностей, которой сами они и были вызваны. Это происходит отчасти благодаря тому, что, когда система базовых ценностей вызывает определенные действия, носители этих ценностей не думают об объективных последствиях своих действий, а стремятся лишь к субъективному удовлетворению от добросовестно выполненного долга. Или [поначалу] действие фокусируется в соответствии с доминирующим набором ценностей на определенном ценностном поле, но в конституирующем обществе комплексном взаимодействии действие разветвляется. Его последствия выходят за границы той специфической области, для которой они предназначались, и распространяются на смежные области, которые явно не брались в расчет в момент совершения действия. В силу действительной взаимосвязанности этих областей дальнейшее распространение последствий на прилежащие области оказывает обратное воздействие на базовую ценностную систему. Это обратное воздействие обычно упускается из виду, но именно оно конституирует важнейший элемент процесса секуляризации, трансформации и разрушения базовых ценностных систем. Сущностный парадокс социального действия заключается в том, что *реализация* ценностей может привести к отречению от них. Перефразируя Гете, мы могли бы сказать: «Die Kraft, die stets das Gute will, und stets das Böse schafft», то есть «всегда к добру стремится сила — и вечно совершает зло»²⁰.

Есть еще одна особенность человеческого поведения, мешающая успешному социальному предсказанию и планированию. Озвученные публично предсказания о будущем развитии общества постоянно не

²⁰ У Гете так: «Ein Teil von jener Kraft die stets das Böse will und stets das Gute schafft» (в переводе Б. Пастернака: «Часть силы той, что без числа творит добро, всему желая зла»). — *Прим. ред.*

подтверждаются именно потому, что предсказание становится новым элементом ситуации и тем самым изменяет первоначальный ход развития. Этого не происходит с предсказаниями в тех областях, которые не связаны с человеческим поведением. Так, предсказание возвращения кометы Галлея никоим образом не влияет на ее орбиту; а вот — если взять конкретный социальный пример — марксово предсказание относительно неуклонной концентрации богатства и обнищания масс существенно повлияло на предсказанный процесс. По крайней мере, одним из следствий социалистических проповедей в XIX веке стало повышение организованности труда. Рабочие, осознав невыгодность позиций при заключении индивидуальных трудовых соглашений, стали самоорганизовываться, чтобы использовать преимущества коллективных переговоров, что замедлило, если не полностью свело на нет, процессы, предсказанные Марксом [2, р. 72–75]²¹.

Таким образом, в той мере, в какой предсказания социальных ученых становятся достоянием гласности, а действия осуществляются с полным осознанием этих предсказаний, требование «при прочих равных условиях», по умолчанию распространяющееся на все прогнозы, не выполняется. Прочие условия не будут равными просто потому, что ученый ввел новое «другое условие» — его собственное предсказание. Подобные непредвиденные обстоятельства часто задают самые непредсказуемые направления социальному развитию, а потому их учет чрезвычайно важен для социального планирования.

В статье мы лишь кратко рассмотрели важнейшие элементы одного из фундаментальных социальных процессов. Мы бы вышли за рамки данной статьи, если бы погрузились в подробное исследование всех импликаций проделанного анализа для социального прогнозирования, контроля и планирования. Тем не менее, даже на этом предварительном этапе можно констатировать, что общих оснований для категорического подтверждения или отрицания практической применимости социального планирования нет. Прежде чем решиться на подобные обобщения, мы должны изучить и классифицировать типы социального действия и организации, соотнести их с рассмотренными в статье элементами, а затем соотнести наши обобщения с этими существенно различающимися типами. Если проделанный анализ способствовал постановке проблемы, хотя бы только в ее важнейших аспектах, и привлек внимание к необходимости систематически и объективно изучать слагаемые процесса возникновения

²¹ Джон Венн образно называет этот процесс «самоубийственными проповедями» и справедливо замечает, что этим термином вводится целый ряд соображений, которыми в разных науках о человеческом поведении обычно пренебрегали [9, р. 225–226].

непредвиденных последствий преднамеренного социального действия, которые слишком долго отдавались на откуп теологии и спекулятивной философии, значит он достиг поставленной цели.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Bertrand J.* Calcul des probabilités. Paris: Gauthier-Villars et fils, 1889.
2. *Gini C.* Prime linee di patologia economica. Milano: A. Giuffrè, 1935.
3. *Keynes J.V.* A Treatise on Probability. London: Macmillan, 1921.
4. *Knight F.H.* Risk, Uncertainty and Profit. Boston; N. Y.: Houghton Mifflin, 1921.
5. *Merton R.K.* Civilization and Culture // Sociology and Social Research. 1936. Vol. 21. No. 1. P. 103–113.
6. *Pareto V.* Traité de sociologie générale. Paris: Payot, 1917.
7. *Poincaré H.* Calcul des probabilités. Paris: Gauthier-Villars et fils, 1912.
8. *Tschuprov A.A.* Grundbegriffe und Grundprobleme der Korrelationstheorie. Leipzig: B. G. Teubner, 1925²².
9. *Venn J.* Logic of Chance. London: Macmillan, 1888.
10. *Weber A.* Prinzipielles zur Kultursoziologie: Gesellschaftsprozeß, Zivilisationsprozeß und Kulturbewegung // Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. Tübingen, 1920. Bd. 47. Heft 1. S. 1–49 (Вебер А. Принципиальные замечания к социологии культуры / Пер. с нем. М.И. Левиной // Вебер А. Избранное: Кризис европейской культуры. СПб.: Университетская книга, 1998. С. 7–40).
11. *Weber M.* Wirtschaft und Gesellschaft. Tübingen: J. C. B. Mohr, 1925.

²² См.: *Чупров А.А.* Основные проблемы теории корреляции: о статистическом исследовании связи между явлениями. Л.: Изд-во М. и С. Сабашниковых, 1926; *Чупров А.А.* Основные задачи стохастической теории статистики // Вестник статистики. 1925. № 10–12. — Прим. ред.